

«Гладиолусы для храбрости. Белые гвоздики для удачи. Геллеборус для мира»*.

Я украсила гостиную цветами и укутала себя их сладким запахом, а предупреждение Совета забыть не могла.

«Мисс Клара Даниэль Лукас, представители Достопочтеннейшего Совета магов посетят вас сегодня в десять часов».

Мое сердце билось в лад с часами, тиканье которых неуклонно приближало к назначенному времени.

Я распахнула окна, впустив в комнату чарующий летний воздух. Пока же стояла в потоке солнечного света, магия внутри меня гудела от наслаждения. А потом, после минуты покоя, прошептала: «Ведьмы вроде тебя Совету не нужны».

Мои пальцы стиснули ткань небесно-голубого платья. Насмешки своей магии я ненавидела, но на этот раз опасалась, что она права. Я не могла не думать

* Здесь и далее цитаты из «Справочника по ботанике» Уэйверли». *Прим. ред.*

о ведьмах своего возраста, которые выбирали белые платья и примеряли гловелетты для церемонии допущения и бала. Для того чтобы наконец приступить к занятию, которому они посвятили жизнь.

Еще я думала о Ксавье Морвине, своим дорогим друге детства, получившем допуск на год раньше срока. Сейчас он работал в лавке своих родителей. Ксавье помогал людям: он творил чудеса. Достиг всего, о чем мы вместе мечтали.

Я гадала, думает ли он обо мне. Или Ксавье знал, что я всех разочаровала.

Дверь кухни со скрипом отворилась — вошел папа, крепко держа поднос с тремя заварочными чайниками и разномастными чашками. Голубые глаза сияли надеждой: огонек в душе у папы не гас никогда, сколько бы раз я его ни подводила.

— Не тревожься, — сказал папа. Он поставил поднос на наш низенький, выдавший виды столик и пробрался по лабиринту стульев — не зная, сколько членов Совета ждать, мы снесли сюда все имеющиеся — ко мне и похлопал ладонью мои рукава-буфы. — Я в жизни не встречал таких талантливых молодых ведьм, как ты, — продолжил он. — Уверен, Совет это оценит.

В большинстве случаев его уверенность во мне умиляла и ободряла, а сегодня казалась приторной, как переслащенный чай.

— Папа, с добрыми вестями члены Совета не ходят, — пробормотала я.

Магия напрягла мне мышцы, ускорила пульс и безжалостно зашептала: «Неудачница, неудачница, неудачница!»

За спиной у папы что-то принялось дребезжать и звякать, как странный музыкальный инструмент. Это один из заварочных чайников закачался туда-сюда, грозя разлить содержимое. Зло на него посмотрев, я подошла и плотно прижала ладонь к бледно-розовой крышке. Порой собственная магия пугала меня, а порой просто раздражала.

«Пожалуйста! — взмолилась я. — Пожалуйста, веди себя прилично!»

В парадную дверь негромко постучали.

Длинная коса хлестнула по моей шее, когда я, выпучив глаза, снова повернулась к папе:

— Ты ведь будешь присутствовать на этой встрече?

Папа нахмурил веснушчатый лоб:

— Но, милая, я ведь не маг...

— Пожалуйста! — моя просьба получилась робкой, как у ребенка.

Папа кивнул и, шагнув ближе, пожал мне руку.

Когда я повернулась к двери, магия вонзила когти мне в сердце. Я всеми силами старалась не трусить. Достаточно капельки страха — и моя магия устроит погром прямо на глазах у Совета. Деформирует светло-желтую дверь. Наполнит воздух облаками пылицы. Вдребезги разобьет нам окна. Такого допустить нельзя.

Сделав глубокий вдох, я потянулась к дверной ручке, но створка уже со скрипом открывалась сама.

Там, где была наша лужайка, появился тускло освещенный зал с мраморными полами и потолком. В футе от меня стояла ведьма, по традиции во всем черном, с золотым значком-солнцем, какой носили все члены

Совета. Под взглядом холодных голубых глаз у меня напряглись плечи. Этот взгляд я помнила хорошо, равно как и лекции, которые неизменно за ним следовали.

— Мисс Лукас! — поприветствовала мадам Олбрайт, самая первая моя учительница.

Я поморщилась и склонила перед ней голову.

— Рада снова вас видеть, ваше благородие.

Фыркнув, мадам Олбрайт отряхнула полочку своего черного шелкового платья, словно я как-то его испачкала. Папа торопливо предложил ей наше «лучшее» — единственное — кресло.

Следующим порог переступил маг, быстро снимая шелковый цилиндр.

— Мисс Лукас, я мастер О'Брайан, — представился гость.

Я сделала реверанс. Магия стучала мне в грудь.

Я пропустила мастера О'Брайана в дом, и папа тотчас принялся пожимать ему руку и подыскивать удобный стул.

— Добро пожаловать, ваше благородие.

В прихожую вошел еще один маг, потом ведьма, потом еще и еще, пока не набралось восемь человек в строгих черных платьях и костюмах. Я приседала и приседала, приветствуя каждого члена Совета. Папа бросился на кухню за табуреткой.

Я оглянулась на группу магов — ну чем не стайка ворон? — и ум взбудоражился. «Что за решение они мне принесли?»

Оставалось лишь крепко держаться за дверную ручку и за старые уроки о том, как усмирять свою магию.

«Сосредоточься на дыхании», — советовали мне учителя и наставники.

Сделав глубокий вдох, я начала закрывать дверь...

В сужающуюся брешь вклинился блестящий черный ботинок.

— Извините! — проговорил голос молодого человека. Знакомый мне голос. Нахмурившись, я приоткрыла входную дверь.

Мои мысли разлетелись как листья на ветру.

Ксавье Морвин.

В детстве я всегда считала его привлекательным, а сейчас, к огромной моей досаде, выяснилось, что он вырос в *невероятного* красавца. Ксавье стал выше; раньше мы смотрели друг другу в глаза: кто кого переглядит. Сейчас его шляпа фактически задевала прилоку. Волосы, когда-то аккуратно подстриженные, свисали ниже белого крахмального ворота рубашки. Еще приятель стал бледнее, чем мне помнилось; под карими глазами появились темные круги, словно он не спал много-много ночей.

Ксавье медленно снял шляпу с темноволосой головы и прижал ее к сердцу.

— Здравствуйте! — тихо сказал он.

В детстве мы бы обнялись, потом расхохотались и принялись болтать, мигом припомнив тему последнего разговора.

Все это могло бы случиться и сейчас, потрудись Ксавье отвечать на мои письма. Не игнорируй он меня пять долгих лет.

Навестить меня друг решил именно сегодня.

— Что вы здесь делаете? — спросила я.

Румянец окрасил бледные щеки Ксавье и растекся до ушей.

— Ну... э-э-э... на собрание созвали всех членов местного Совета. — Ксавье показал на золотое солнце у себя на галстук.

Я почувствовала укол зависти. Мы с Ксавье были почти ровесниками.

Ничем особо мы не отличались. Это мне следовало заниматься магией. Вместо этого Ксавье заявился сюда с коллегами засвидетельствовать мои неудачи.

Реверанс у меня получился «деревянный».

— Добро пожаловать, ваше благородие!

Ксавье поморщился, открыл рот, чтобы что-то сказать, но потом, похоже, передумал. Вместо этого он поклонился, перешагнул через ступеньки крыльца и повесил свою шляпу вместе с остальными. Я закрыла за ним дверь, обернулась и увидела, что Ксавье так и стоит в прихожей.

— Папа найдет где вас посадить, — сказала я. В подсознании снова послышался шепот магии. С каждым перехваченным взглядом Ксавье он звучал все громче.

У него такие красивые глаза. Я и забыла.

Теплый и нежный, как весенний ветерок, голос портила лишь чопорность обращения. Я всегда была для него Кларой, а в наших первых письмах он писал мне «моя Клара».

Ксавье робко показал на мои волосы:

— У вас там... цветы.

Мои руки взлетели к ярко-рыжей пушистой косе, где в самом деле начали расти крупные розовые камелии.

Раньше папа почти каждый вечер читал мне «Справочник по ботанике» Уэйверли, старую книгу, которая принадлежала моей матери. Никакой истории там не было — только иллюстрации растений с их названиями, происхождением, значением и рекомендациями по выращиванию. Одно и то же мы читали несколько лет подряд — и значения цветов врезались мне в память. В ушах раздался медовый папин голос: «Розовые камелии символизируют долгую привязанность».

Я позволила себе тишайший из смешков, пока лихорадочно подбирала предлог, который позволил бы мне сохранить хоть каплю достоинства.

— Ой, да, да! Я вырастила их нарочно. Подумала, что они мне к лицу.

Ксавье сжал губы и потупился.

— Так и есть, мисс Лукас. Они вам к лицу. Эти цветы. Я...

— Мастер Морвин!

Ксавье подскочил, услышав титул, которым на моей памяти называли только его отца. «Странно, что родители не пришли вместе с ним, — подумала я. — Они ведь тоже члены местного Совета».

С другого конца маленькой комнаты на нас хмуро смотрел мастер О'Брайан.

— Вы знакомы?

Ксавье лихорадочно закачал головой. Рана у меня в сердце заболела и углубилась.

— Сэр, мы, э-э-э, дружили, когда были моложе, но не разговаривали очень много лет. Проблемой это не станет, уверяю вас.

Хотелось проорать, что так долго не разговаривали мы по вине Ксавье и что это точно проблема, но жжение магии под кожей и ропот членов Совета напомнили мне: есть вопросы насущнее.

Ксавье еще раз опустил передо мной голову в неглубоком поклоне и шмыгнул в гостиную. Пока не увидели члены Совета, я вырвала камелии из волос и бросила на пол.

Папа тотчас поприветствовал Ксавье радостным возгласом и похлопал его по спине так сильно, что молодой маг вздрогнул. С минуту они спорили о том, может ли папа уступить свое место Ксавье, затем о том, стоит ли предложить его мне, но в итоге приятель прислонился к дальней от меня стене, словно в этой группе великих магов он был таким же чужаком, как и я.

Каждому члену Совета я предложила чаю. Каждый покачал головой, за исключением Ксавье, который принял большую бесформенную кружку с кротким «спасибо!».

— Мисс Лукас, мы очень ценим ваше гостеприимство, — проговорил мастер О’Брайан, когда я вернула поднос на столик. — Только, думаю, нам всем лучше взяться за дело.

— Вы решили дать Кларе допуск? — радостно осведомился папа.

Мои щеки зарделись, и на миг я пожалела, что попросила его присутствовать на столь важном собрании.

— Нет, сэр, — ответила мадам Олбрайт. — На деле Совет сильно обеспокоен тем, что мисс Лукас вообще не сможет получить допуск.

По коже прошел мороз.

— Мадам... Мадам Бен Аммар с этим не соглашалась, — проговорила я. Моей любимой учительнице пришлось меня оставить, но она, по крайней мере, не называла меня неудачницей. После нашего расставания мадам написала мне и сказала, что уверена в моих силах. — Г-где она? Думаю, ей хотелось бы посетить столь важное собрание.

— В настоящее время мадам Бен Аммар возглавляет расследование с целью обеспечить общественную безопасность. — Мастер О'Брайан поднял руку. — Свое мнение она до Совета донесла. Однако, мисс Лукас, факт остается фактом: такую ведьму, как вы, мы еще не видели. Ведьму, которой не повинуется ее магия.

— Иногда повинуется, — возразила я, стискивая ткань своего небесно-голубого платья. Несколько снадобий я сделала. От простуды, от ангины, от артрита...

— От вашей вспыльчивости у меня занавески на кухне загорелись, — напомнила мадам Олбрайт.

У меня зарделись щеки.

— Это было много лет назад.

Мастер О'Брайан вздохнул:

— У нас довольно обширный список... чудачеств вашей магии. Вне сомнений, проблема эта трудноразрешимая.

Взгляды всех присутствующих в гостиной устремились на меня, острые и обжигающие, как горячие кочерги. Еще хуже было то, что, когда я посмотрела на Ксавье, парня, который должен был меня подбадривать, в глазах его читалась жалость.

— Мы решили предложить вам несколько вариантов, — продолжил мастер О’Брайан.

В залитой солнцем комнате повисла мрачная тишина.

— Вы имеете в виду... вариантов учителей и наставников? — уточнил папа.

Мастер О’Брайан не ответил.

Мороз все больше сковывал мое тело.

«Ты получишь по заслугам, — шептала моя магия. — Ты не лучше своей матери».

— Пожалуйста, сэ, продолжайте! — попросила я слишком громко в попытке заглушить магию и отринуть любые намеки на нее.

Мастер О’Брайан обвел взглядом коллег, прежде чем проговорить:

— Первый вариант — это сдерживающие чары...

— Нет!

Я подняла голову, чтобы посмотреть на вмешавшегося Ксавье.

— Это лишь ослабит ее магию, — заверил его мастер О’Брайан.

— Да, но не просто так, — упирался Ксавье. Он перехватил мой взгляд, от отчаяния его глаза стали совсем круглыми. — Это сделает наложение чар очень болезненным. — Ксавье умоляюще посмотрел на мастера О’Брайана. — Пожалуйста, ваше благородие! Такие чары накладываются лишь на преступников. Мисс Лукас ничем их не заслужила.

Я представила, как моя магия станет слабее, покорнее, сдержаннее; представила себя, корчашуюся от боли при попытке сварить даже небольшую порцию

снадобья. Так исцелять особо не получится, а при мысли о том, что Совет накладывает на меня чары, которыми наказывают преступников, подкатила тошнота.

— Ваше благородие, а... какая у меня альтернатива? — спросила я.

Ответил мне седовласый маг:

— Мы могли бы нейтрализовать вашу магию.

В глубине комнаты Ксавье сильно побледнел, слово ему стало плохо.

Мое сердце рвалось прочь из груди.

— Нейтрализовать? — переспросила я.

Мастер О'Брайан кивнул:

— Устранить, мисс Лукас.

Устранить. Я прижала ладонь к месту, где в груди гудела магия, и представила, как ее у меня отнимают, как вырывают мне сердце.

— Вы... вы не можете так поступить, — прошелестела я.

— Наверное, это к лучшему, — сказал мастер О'Брайан.

Мадам Олбрайт энергично закивала:

— Мы опасаемся, что ваша магия кому-то навредит. И нельзя забывать о вашей матери. Если она попыбует использовать вашу силу в личных целях...

— Кларина мать исчезла раньше, чем девочка успела ее запомнить.

Мать. Это слово. Яркое и разрушительное, как молния.

Моя магия свернулась плотным кольцом, потом раздалось громкое «бах!». Светло-розовый заварочный чайник взорвался салютом фарфоровых осколков

и едва-едва не облил мадам Олбрайт горячим чаем. Вскрикнув, она соскочила со стула и гневно посмотрела: сначала на пролитое, потом на меня.

Я бросилась к столу, промокнула чай фартуком и пролепетала:

— Извините, я не просила его...

— Именно такого поведения мы и боимся! — рявкнула мадам Олбрайт. — Ради бога, мисс Лукас почти совершеннолетняя и не контролирует себя!

— Разбитый чайник — это не яд и не запрещенное снадобье, — заметил папа.

У меня дрожали руки, когда я осторожно положила керамические осколки на деревянный поднос. Внутри все клокотало от ненависти.

Мать. Кольцо. Книги. Жизнь, полная слухов. Коробка, появившаяся на крыльце в день, когда мне исполнилось шестнадцать, — коробка, которую я выбросила сразу, как нашла.

Клятая магия, которую она передала по наследству мне.

«Сосредоточься на том, как дышишь». Монологи у меня в подсознании становились больше похожими на мольбу.

— Алфея, нельзя сравнивать юную мисс Лукас с преступниками, даже с ее собственной матерью, — невозмутимо проговорил мастер О'Брайан и поднял руку, жестом успокаивая папу. — Варианты решения мы предлагаем не для того, чтобы наказать Клару. Мы боимся, что ее магия кому-то навредит.

Такого я никогда не допустила бы. Может, из-за слабости у меня не получалось контролировать свою

магию, но я никогда не позволила бы ей кому-то навредить.

— Наверняка существует еще какой-то вариант. Я... я найду способ дисциплинировать свою магию. — Я сделала судорожный вдох, чтобы успокоиться. — Пожалуйста, дайте мне чуть больше времени. Если... если бы все шло хорошо, я готовилась бы стать ведьмой к летнему солнцестоянию. Может, к тому времени что-то изменится.

Ксавье просто смотрел на меня. Хотелось взмолиться, чтобы он заговорил, помог мне, сказал, что думал обо мне последние пять лет.

Ведьмы и маги вокруг меня переглянулись. Некоторые зашептались так тихо, что я не расслышала. Они считали меня злой и неуправляемой. Не лучше матери, которую я никогда не знала.

Членам Совета следовало понять, что я не такая, как она.

— Стать целительницей — все, чего мне когда-либо хотелось, — сказала я им. — Малышкой я видела, как Морвины спасли жизнь человеку. — Я очень хорошо помнила: мы с Ксавье, спрятавшись за диваном у них в гостиной, смотрели, как его родители творят чудо. Тот мужчина посинел и едва дышал, его жена рыдала. Ксавье крепко-крепко держал меня за руку. — Мадам и мастер Морвин вместе использовали свою магию, — вспоминала я. — Снадобьями и заклинаниями они спасли стоявшего на краю могилы. После этого в гостиной воцарилась такая радость... Я поняла, что хочу заниматься чем-то столь же важным. Столь же полезным. Все, чего мне хочется, — помогать людям.

Я закрыла глаза, глуша окружающий мир, Совет, мысли о том, что моя магия отомстит, стоит мне вдохнуть не так.

В гостинной царил мрачный молчок.

— Простите, мисс Лукас, — сказал мастер О’Брайан. — Нам нужно ваше решение.

По пищеводу поднялась желчь. Мне предложили выбор между двумя ядами. Между жизнью, начисто лишённой магии, и жизнью, в которой мой дикий дар будет доставлять мне боль за каждое наложенное заклинание. Я подумала о матери, которая бросила вызов Совету, которая сбежала от него, пошла своей авантюрной дорогой. Я не такая. Я собираюсь помогать людям. Исцелять их. Чего бы это ни стоило.

Судорожно вдохнув, я кивнула.

— Сдерживающее заклинание, — объявила я.

Папа схватил меня за руку:

— Нет, Клара!

— Я всецело против этого! — выкрикнул Ксавье, перекрывая ропот Совета.

— Получается, вы, мастер Морвин, хотите, чтобы я лишилась магической силы? — Я зыркнула на него и сжала кулаки, чтобы не выпустить свою обжигающую магию из-под контроля. — Между болью и жизнью без магии я выбираю боль.

— Это решение принимать не вам, Морвин, — заметил седовласый маг и резко кивнул в мою сторону. — Она думает, что выдержит.

По мере того как они обсуждали ограничивающее заклинание, я сомневалась в этом все больше и больше.

Ксавье выступил вперед и, отставив кружку с чаем и прижав руку к груди, обратился к мастеру О'Брайану:

— Сэр, наверняка существует другой вариант...

— Мастер Морвин, на вашем месте я придержала бы язык. Вашу работу в Совете пока иначе чем легкомысленной не назовешь, — раздраженно проговорила мадам Олбрайт. Ксавье содрогнулся.

Мастер О'Брайан хлопнул моего приятеля по плечу, словно это ему предназначались плохие новости.

— Мы с уважением отнесемся к решению мисс Лукас. — Снова обращаясь ко мне, он улыбнулся: — Так вы впрямь желаете стать целительницей, невзирая на последствия? Очень смело с вашей стороны, юная леди.

Для приличия я сделала ему реверанс. Магия так и кричала у меня внутри.

— Как скоро будет готово ограничивающее заклинание? — спросил папа.

— Оно довольно сильное. Мне понадобится помощь других членов Совета. Но к завтрашнему вечеру все должно быть готово.

У меня сердце екнуло.

— К завтрашнему вечеру?

— Да. — Мастер О'Брайан снял цилиндр с вешалки и водрузил на голову. — А пока я постараюсь найти учителя, который поможет вам завершить подготовку при ограничении магической силы.

Я представила, как томится внутри меня магия, злая, язвительная, ненавидящая меня за ограничения. Боль при наложении каждого заклинания станет

мстью сама по себе. Я надеялась, что заклинания будут ее стоять.

Если бы не растерялась, я поблагодарила бы мастера О'Брайана за старание найти мне учителя. Попрощались бы с ним и присела бы в реверансе. Но я застыла, потеряв дар речи.

Мастер О'Брайан повел вереницу коллег обратно ко входной двери, распахнул ее — за ней снова оказался мраморный зал Совета. Маги и ведьмы гуськом покинули наш дом, кое-кто соблаговолит попроситься.

Другие волшебники ушли, а Ксавье задержался в прихожей, бледными пальцами теребя поля шляпы. Он смотрел на меня. Находясь рядом с ним, я чувствовала то же самое, что вчера, когда заглянула в свою старую школу. Да, нежность я ощутила, но вместе с ней боль, а ярче всего — понимание, что мне здесь больше не место.

— Простите, что так получилось, — очень тихо сказал Ксавье и оглянулся на дверь, ведущую в зал Совета. — Мне... мне нужно идти. Но я хотел бы навеситить вас снова, мисс Лукас. При более благоприятных условиях.

— Мастер Морвин, пойдете! — окликнула его мадам Олбрайт.

Услышав свой титул, Ксавье вскинулся, а потом потянулся к моей руке. Внутри меня боролись боль, печаль и замешательство, но я опасно ответила на рукопожатие.

Ксавье запечатлел на моей руке легчайший поцелуй. Он делал так в детстве, копируя чопорный этикет своего мага-отца.

— До свидания, Клара, — проговорил Ксавье и — не успела я отреагировать, не успела спросить, почему он воспротивился решению Совета наложить заклинание, почему перестал писать мне, почему вел себя как совершенно равнодушный ко мне человек, — скользнул за порог, закрыв за собой дверь.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

